

УДК 1/16.165

Правовое пространство и время в философском контексте идеи самоопределения нации и национальной жизни

Мищук Роман Викторович

Соискатель (экстерн),

Башкирский государственный университет,

450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;

e-mail: mishchukrv@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье исследованы правовое пространство и правовое время в философском контексте идеи самоопределения нации и национальной жизни. На историко-философском и историко-культурном материале обоснована мысль автора, согласно которой способность к рефлексии выступает формой возрождения национальной и культурной жизни. Нация лишь в том случае достигает своего самоопределения, когда ей удастся гармонизировать «ближнее» и «дальнее» «Я», самосознание, имеющее своей основой правовую жизнь, формами кристаллизации которой выступают правовое пространство и правовое время. В статье исследовано национальное самосознание, его функции. Так, функция объединения форм правового времени и правового пространства свидетельствует об осознании нацией себя как культурной и духовной целостности во взаимосвязи своих пространственных и временных форм. Другая функция связана с духом преемственности. Национальное самосознание отражает духовную жизнь народа и саму непрерывность культуры, которая выступает условием гармоничного развития человеческой личности и общества. В статье исследованы функции национального самосознания, в частности, ценностная, познавательная, функция преемственности, связанная с правовым временем и пространством.

Для цитирования в научных исследованиях

Мищук Р.В. Правовое пространство и время в философском контексте идеи самоопределения нации и национальной жизни // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 100-110.

Ключевые слова

Правовое пространство и время, идея самоопределения нации, национальная жизнь, «ближнее» и «дальнее» «Я», правовая жизнь, рефлексия, национальное самосознание, функции самосознания, проблема осмысления современного дня нации.

Введение

Актуальность исследования проблемы формирования духовных и культурных предпосылок национальной жизни, самой нации как народа, образующего историческое единство, обусловлена темой пространства и времени современной России, народы которой заняты мировоззренческим выбором, определением дальнейших путей развития.

Нацию могут образовывать различные народы и этносы. Но все эти исторические и социальные образования скрепляет нравственный дух, основу которого составляет право как социальный регулятор отношений между людьми, как самая изначальная форма духовности, преодолевающая чувственный (эмпирический) взгляд на мир. Ведь, сама несвобода в отношении к вещам чувственного мира, сама неспособность возвыситься над ними, порождает примитивное сознание, которое должно быть преодолено в точке зрения человека на мир как на некий «закон и порядок».

Целью исследования выступает философский анализ правового пространства и времени в социокультурном контексте идеи самоопределения нации и национальной жизни, ее духа как нечто сверхиндивидуального и, в то же время, общечеловеческого начала.

Народный дух как единство форм национальной жизни

Народный дух лежит в фундаменте самоопределения нации и национальной жизни, автором понимается не как метафизическая абстракция, а обнаруживается в особенностях исторического, культурного развития народов и государств, в духовных творениях людей, которые существуют в определенном правовом пространстве и времени.

Система форм жизнедеятельности современного человека немислима вне правового пространства и времени, в которых существует духовность современного общества. Сам человек и народ существуют не в одном, а в различных правовых пространствах; эти пространства, своеобразные культурные миры, наслаиваются друг на друга. Культурная и национальная жизнь то сужают, то расширяют границы своего правового статуса. Этот статус не является чем-то статичным, а зависит от обстоятельств как внешнего, так и внутреннего порядка. При этом, человек, народ, нация зависят от процесса «самоидентификации» человека, от отнесения себя к той или иной социальной группе. «При этом усиление интеграционных процессов порождает формирование все большего количества правовых пространств» [Глазкова и др., 2012, 13].

Но основной смысл правового пространства состоит «в способности контроля за окружающей социальной и природной средой, имеющей значение для правовой координации субъектов друг по отношению к другу на основе права и правовой информации [Федорченко, 2012, 150].

Правовое пространство и время, строго говоря, есть формы воспроизводства культуры, воспроизводства субъекта инновационной, творческой деятельности. Вне этих форм и сама нация, ее жизнь становятся несуществующими.

«Ядром культуры, как известно, – пишет Л. А. Ширяев, – является социальное общение, социальные контакты общественных индивидов» [Ширяев, 2013, 71]. Эти контакты есть некий источник духовного роста индивидов. Но сам контакт несет в себе конфликт культур, который выступает как борьба личностного духа с самим собой. Эта борьба пролегает через смысловые доминанты самоопределения «Я». Ведь, достаточно хорошо известно, что сама смысловая компонента жизни (включая сюда и национальную жизнь) ориентирует человека, народ, нацию не столько на то, чтобы воспроизвести образы прошлых традиций, сколько на творческое воспроизведение идеальных, духовных форм деятельности человека, самой его творческой способности, которая всегда остается сущностной силой народа, этноса, нации.

Правовое пространство и время как формы самоопределения нации

Правовое пространство и время – эти формы, видимо, расположены между феноменальным и ноуменальным, духовными мирами. Сам вопрос о бытии, о существовании культуры выводит нас на время. Сама решимость человека быть, а не казаться, заставляет задуматься о духовной субстанции самосознания. В этой «субстанции» оказываются задействованными «ближнее» и «дальнее», настоящее и будущее. Сам смысл жизни человека и всей нации в целом представляет такой тип мироотношения, который актуализирует процесс самоопределения духовной субстанции самосознания. А национальное самосознание, сама национальная жизнь отличается, безусловно, решимостью к самой своей способности мыслить и действовать.

Само «дальнее», отдаленное от нас бытие, существует как некое присутствие потенции настать, осуществиться. «Будущее здесь не просто модус заботы, оно есть выражение решающей способности быть «теперь» как возможность: оно будущее именно как «теперь» – возможность быть еще – не – сбывшимся» [Комаров, 2007, 613]. Но сама решимость есть возможность того, что уже есть. Решимость гармонизировать «ближнее» и «дальнее» уже означает то, что сбилось, осуществилось. «Лишь поскольку присутствие вообще есть как я есмь – бывший, оно способно в будущем так само для себя настать, чтобы вернуться в – себя... Бывшесть возникает известным образом из будущего» [Хайдеггер, 1997, 326].

Правовое время, если вести речь о нации и национальной жизни, есть некий «горизонт» вопроса о ее сущем. Нация никогда полностью не достигает своего становления, полного самоосуществления. Национальная жизнь, в этом плане, оказывается некой целостностью «всполохов» времени. Эта жизнь обладает потенцией самоопределения, поскольку сказывается на воспроизводстве общечеловеческих ценностей. Национальная жизнь, как культурный феномен, стремится выразить всю совокупность условий, порождающих всечеловеческие идеи и принципы.

Способность к рефлексии как форма возрождения национальной и культурной жизни

Но заметим, что человеческое измерение самой идеи самоопределения, во-первых, консолидирует национальную интеллигенцию, а, во-вторых, превращает все интеллектуальные силы общества в нечто такое, что монополюльно владеет информацией о времени, причем, не как об априорной данности бытия, а как о временности повседневного, культурного мира, что, видимо, позволяет актуализировать значение настоящего, мгновенного события, воплощающего в себе единство природного и исторического, временного и вечного.

Рефлексия над национальной и культурной жизнью выводит нас на новое понимание национального самосознания. Такое самосознание связано не только с определением нацией своих границ, своих экономических, социальных интересов, но и с осознанием нацией, национальной жизни своих отличий от иных культур, наций, национальных традиций. Кроме того, сама рефлексия над национальной жизнью позволяет обратиться к идее возрождения национальной и культурной жизни. А эта идея гармонизирует «ближнее» и «дальнее» «Я», т.е. самосознание, имеющее в качестве своей основы правовую и моральную жизнь. Эта жизнь, как нам думается, позволяет глубже осмыслить настоящий день нации, этноса, народа посредством идеи исторического прошлого страны и определения ее перспектив на будущее.

Если человек, народ, нация в целом, начинают обладать способностью к рефлексии, т.е. думать над тем, что они мыслят, то сами этнос, нация, вся национальная жизнь становятся неким структурообразующим началом в системе общественных отношений. Сама мысль человека является общекоsmическим явлением. И если творческие ресурсы мысли иссякают, то и иссякает само национальное самосознание, которое основывается на способности человека, народа к «саморефлексии».

Именно рефлексия как форма возрождения культурной и духовной жизни народа, нации, связана с таким пониманием личности, которое значительно расширяет последнюю, «оперируя не только с частночеловеческой, но и с многочеловеческой, «симфонической» личностью» [Трубецкой, 2007, 151].

Такая личность, погруженная в мир мыслей, дум о России, становится своеобразным «методом», посредством которого сама общечеловеческая идея, идея «всечеловечности» как бы являет себя к жизни.

Когда человек мыслит, то он, тем самым, подрывает иллюзорный характер своих связей и отношений с миром. Но его мышление не перестает отличаться антиномичностью и безусловностью своего содержания. Мысль, строго говоря, имеет «сверхличностный», «надындивидуальный» момент. Она в каком-то смысле, видимо, соприкасается с «философской верой», сопряженной с нравственными, общечеловеческими задачами и целями, поскольку позволяет приблизиться к идее единства культурной и национальной жизни как цели познавательного процесса.

Личность, обладающая мыслительной культурой неповторима и неразложима на части. Личность, как и нация, может и должна стать предметом философского исследования. Рассматриваться могут либо общие законы существования личности, либо виды и формы эмпирического проявления как «личности вообще», так и какой-либо конкретной личности, этноса, народа.

Основным пороком европейской, западной культуры выступает забвение самой идеи личности, которая не сводится к воспроизводству условий, при которых личность человека может наиболее полным образом осуществиться. В связи с этим, мы призваны координировать друг с другом науки о человеке.

Заметим, что человеческая личность не есть чисто психологическое явление. Чтобы мыслить, личность, как и этнос, должны иметь дух и плоть. Между этими последними существует тесная функциональная связь. Конечно, личность, да и сама национальная жизнь, вне которой человеческая личность осуществиться не может, существует в определенном социокультурном окружении. Она связана с территорией, которая неотделима от многомерного характера этноса, народа и личности.

Заметим, что сегодня сами социальные процессы стали настолько сложными, что мы, практически, имеем дело с «мерцанием» общественного и индивидуального сознания.

Ни мир права, ни мир науки, эстетики и философии не оказываются жестким образом сопряженными с обычным временем. Сам мир права и политики приоткрывает открытие «спонтанности» самого феномена, явления существования. «Спонтанность – ... вот точное значение времени и точное значение субъективности» [Мерло-Понти, 1999, 540]. Но время, в том числе, и правовое время, не приоткрывает вопроса о нашей произвольности и спонтанности. Мы, люди, временны вовсе не потому, что спонтанны, грациозны и неопределенны. Напротив, время, особенно правовое, есть основа нашей произвольности, сама способность к выходу за границы наличной субъективности.

Сама способность человека к рефлексии постоянно «мерцает». Человек постоянно пребывает на границе бытия и мысли. Он постоянно жаждет удержать себя на грани модусов своей субъективности. Но бытие и мышление постоянно разбегаются. «Это и есть «мерцание» субъекта: балансирование на границе феноменального мира» [Комаров, 2007, 724].

Главное, чтобы сегодня сам человек, этнос, нация не опрокинулись во внешнее чувство, не растворились в мире вещей и процессов. Когда человек оказывается вдруг погруженным в сущий мир, само знание, сознание человека оказывается далеко не нейтрализованным, а, напротив, самосознание, сама мысль оказываются как бы «захваченными» миром. Человек, в настоящее время, оказался настолько захваченным, увлеченным вещами и процессами, что постепенно растворился в них; он перестал даже существовать для самого себя.

Сама способность к рефлексии толкает человека к восприятию мира, различных форм жизни; эта способность выступает как определенные «маски» субъекта. Но нам необходимо снять эту маску, а для этого человек должен развить в себе социальную память, как память

о прекрасном человеке; человек обязан «вспомнить» себя, отнести к себе как нравственному существу. Ведь, сама проблема возрождения культурной жизни предполагает мышление человека, устремленность последнего к последним основам социальной и культурной жизни. Другими словами, когда «Я», самосознание, выступает условием действительного существования людей, то и само «Я» человека превращается в предпосылку, условие персонафицированного «Я мыслью», т.е. *Cogito*.

Национальное самосознание и его функции

Право и правовая жизнь, ее пространственно-временные измерения требуют исследования функций национального самосознания в социальном становлении и развитии. Так, функция, связанная с объединением различных форм самосознания, обоснована сохранением целостности культуры, которая поддерживает процесс жизнеобеспечения самого социума. Функция, связанная с принципом восприимчивости культуры, отталкивает нас к исследованию человеческой природы, ее пространственных и временных форм, к принципу исследования чисто человеческой ситуации, к «самоаффектации души», к исследованию человеческой природы и самой «метафизики» субъективности.

Национальное самосознание всегда связано с переживанием имманентного присутствия «субстанции». Человек определен «суммой конечных материальных причин», а с другой, – «мы – разумные существа, обладающие непосредственным видением субстанциального целого природы» [Комаров, 2007, 102]. Одержат победу над всякого рода аффектами можно лишь с помощью моральной воли, олицетворяющей духовную жизнь народа и сам процесс непрерывности культуры. Эта непрерывность связана с формированием чисто человеческой ситуации, с нравственно-волевой направленностью души, которая, зачастую, меняет свое направление. Поэтому, достижение победы над аффектами и обретение человеком свободы состоит «в адекватном мышлении, ибо именно в атрибуте мышления мы существуем как бы вне времени и пространства» [там же].

То обстоятельство, что «в лице одного члена общества поражены и все другие, изменяет характер преступления не по его понятию, а лишь со стороны внешнего существования» [Гегель, 1990]. Строго говоря, весьма существенно, чтобы государственное устройство, «хотя оно и возникло во времени, не рассматривалось как нечто созданное, ибо оно есть совершенно нечто в себе и для себя сущее, которое поэтому должно рассматриваться как Божественное и пребывающее, стоящее над всем тем, что создается» [там же].

Национальное самосознание в свете сказанного, имеет различные функции и выступает полифункциональным явлением. Речь идет, прежде всего, о познавательной, регулятивной, эмоционально-ценностной функциях. Правовое пространство и время, взятые в контексте самоопределения нации, имеют, прежде всего, отношение к процессу саморегуляции национальной жизни. В связи с этим, правовое пространство обладает защитной функцией, а

время, как форма воспроизводства социальности, связано с самоконтролем и ответственностью субъекта за предстоящие реформы.

Необходимо заметить, что все функции национального самосознания взаимосвязаны. Строго говоря, с функциональным полем, обычно, связывается сама способность того или иного субъекта, социального института играть определенную роль в той или иной системе общественных отношений.

Самосознание в своей национальной, этнической ипостаси, аккумулирует определенные области деятельности, влияет на сами социальные процессы. Заметим, в связи с этим, что участие самосознания человека, этноса, народа в процессе функционирования общества, в основном, носит интегративный характер. Его функции тесно связаны между собой. Однако функционирование национального самосознания проявляется на разных уровнях группового сознания. В данном отношении можно, видимо, выделить функции преемственности и восприимчивости культурных традиций. Сегодня, в условиях трансформационных процессов, эти функции актуальны в аспекте поиска путей выхода общества из кризиса, который, видимо, приобрел системный характер.

Национальное самосознание имеет, на наш взгляд защитную функцию, которая связана с утверждением духа национальной жизни; ценностную, которая направлена на формирование социального идеала, поддерживающего духовную и культурную жизнь. Эта функция является важной для преодоления «зазора» между бытием и мышлением и имеет выход в радость духа и творческой мысли.

Другая функция национального самосознания связана с принципом восприимчивости культуры, правовых и нравственных ее форм. При этом, правовое пространство и время оказываются связанными с многообразием ролей национального самосознания, выполняющего функцию духовного обеспечения народа и нации.

Процесс функционирования национального самосознания обеспечивается всеми элементами социальной системы. Это самосознание, его фактическая данность, позволяет предвосхищать тенденции становления и перспективы, точнее, перспективную динамику общественных процессов.

Эта динамика связана с вопросом о наиболее отчетливом возобновлении самого вопроса о бытии, существовании человека в информационном мире. При этом, национальное самосознание связано с избавлением от усилий технического прогресса поставить человека на самую грань существования. В результате само самосознание, как бытие, оказывается трудно определимым. Но неопределимость бытия вовсе не увольняет нас «от вопроса о его смысле» [Хайдеггер, 2003].

Мы живем в бытии, окутанном тьмой, так что само функциональное пространство самосознания выдвигает вопрос о принципиальной необходимости возобновления вопроса о смысле нашего существования, о времени, которое испытывает затруднения вписаться в бытие современного мира.

Но правовое время все же основано на смысловых контекстах самого бытия. Парадокс правового времени состоит в том, что временность бытия сама разыскивает основание в конечности бытия человека, народа, этноса, нации.

Но что есть время? Ответ на данный вопрос коренится в экзистенциальной природе сознания человека. Самосознание является неким горизонтом смысла пространства и времени, включая и правовое время, оно, взятое в своей экзистенциальности, выводит нас к самому истоку стабильности социума, его пространственно-временных форм. При этом, само правовое время, зачастую, идентифицируется не с доминантой стабильности, а с теми ожиданиями человека, этноса, нации, которые становятся актуальными в эпоху перемен. «Именно поэтому правовое Я стремится к «осовремениванию», то есть к включению во временные перспективы сосуществования с другими правовыми субъектами» [Пантыкина, 2016, 32].

Заключение

Правовое время, как нам думается, выступает из самого существования человека. Правовое время предохраняет человека и социум от опасного стремления стать практически «всем». В этом плане, правовое время, как форма существования социума, направлено на поддержание процесса самоопределения духовной жизни социального субъекта. В правовом пространстве и времени как фундаменте духовной жизни, мы наблюдаем само культурное событие, как единство временного и вечного, т.е. как некое мгновение, экзистенцию мысли о временном бытии. Сама правовая культура оказывается способной кристаллизоваться в пространстве и времени и именно в том «мгновении», которое выступает как некая одновременность бытия как творческой возможности и бытия как сущего.

Итак, можно сделать следующие выводы. Во-первых, правовое пространство и время, воздействие правового времени на социальную жизнь, являются объективным фактором, формирующим всю правовую ткань национальной и культурной жизни.

Во-вторых, сам народный дух как единство форм национальной жизни, обнаруживается в особенностях культурного развития народов, людей, существующих в определенном правовом пространстве и времени.

В-третьих, правовое пространство и время выступают как формы самоопределения нации. Сама нация полностью не достигает своего абсолютного самосуществования. При этом, национальная жизнь оказывается некоей целостностью «всполохов» времени.

В-четвертых, формой возрождения национальной и культурной жизни является способность к рефлексии человека и народа над предельными основаниями своего бытия. Но способность человека к рефлексии над основаниями своей деятельности постоянно «мерцает», поскольку человек и отдельно взятый народ, пребывают на самой границе мысли и действия, бытия и существования, связанного с осмыслением выбора между внешним чувством и богатым «внутренним» миром.

В-пятых, национальное самосознание и его функции (защитная, ценностная, восприимчивости культуры и т.д.), с одной стороны, выступает как предпосылка формирования правового пространства и времени, а, с другой, сами эти пространство и время создают условия духовного обеспечения народа и нации, предпосылку духовной обеспокоенности людей за последствия их действий в сложном глобализирующемся мире.

Библиография

1. Глазкова М.Е., Мещерякова М.А., Пуляева Е.В., Хлуденева Н.И., Черепанова Е.В. Человек в правовых пространствах // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 5-14.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 613 с.
5. Пантыкина М.И. Правовое время: опыт феноменологического исследования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 12. С. 32-37.
6. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана М.: Эксмо, 2007. 736 с.
7. Федорченко А.А. Правовое пространство: основные концептуальные подходы // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2. С. 146-150.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: ad Marginem, 1997. 452 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
10. Ширяев Л.А. Социально-инновационный процесс: творчество и противостояние культур. Уфа: УГАТУ, 2013. 460 с.

Legal space and time in the philosophical context of the idea of self-determination of the nation and national life

Roman V. Mishchuk

Postgraduate,
Bashkir State University,
450076, 32, Zaki Validi st., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation;
e-mail: mishchukrv@mail.ru

Abstract

In this article the legal space and legal time are explored in the philosophical context of the idea of self-determination of the nation and national life. The author's thought is grounded on

historical, philosophical and cultural material, according to which the ability for reflection acts the form of revival of national and cultural life. The nation achieves its own self-determination only in that case when it manages to harmonize the "near" and "distant" "I", self-consciousness, which has its basis in the legal life. Its forms of crystallization are legal space and legal time. In the article the national self-consciousness and its functions are explored. Thus, the function of combining forms of legal time and legal space testifies to the nation's awareness of itself as a cultural and spiritual integrity in the interrelation of its spatial and temporal forms. Another function is related to the spirit of continuity. National self-consciousness reflects the spiritual life of the people and the very continuity of culture, which is a condition for the harmonious development of the human person and society. In the article, the functions of national self-consciousness, in particular, the value, cognitive, the function of succession, connected with legal time and space, are investigated.

For citation

Mishchuk R.V. (2017) Pravovoe prostranstvo i vremya v filosofskom kontekste idei samoopredeleniya natsii i natsional'noi zhizni [Legal space and time in the philosophical context of the idea of self-determination of the nation and national life]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (2A), pp. 100-110.

Keywords

Legal space and time, idea of self – determination of a nation, national life, "near" and "distant" "I", legal life, reflection, national self – consciousness, functions of self – consciousness, the problem of comprehension the modern day of the nation.

References

1. Fedorchenko A.A. (2012) Pravovoe prostranstvo: osnovnye kontseptual'nye podkhody [Legal space: the main conceptual approaches]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2, pp. 146-150.
2. Glazkova M.E., Meshcheryakova M.A., Pulyaeva E.V., Khludeneva N.I., Cherepanova E.V. (2012) Chelovek v pravovykh prostranstvakh [The Man in Legal Spaces]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 5, pp. 5-14.
3. Hegel G.V.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl' Publ.
4. Heidegger M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: ad MArginem.
5. Heidegger M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ.
6. Komarov S.V. (2007) *Metafizika i fenomenologiya sub"ektivnosti: Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noi ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: His-

torical prolegomena to the fundamental ontology of consciousness]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.

7. Merlo-Ponty M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. St. Petersburg.
8. Pantykina M.I. (2016) Pravovoe vremya: opyt fenomenologicheskogo issledovaniya [Legal time: experience of phenomenological research]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"* [Scientific and methodical electronic magazine "Concept"], 12, pp. 32-37.
9. Shiryaev L.A. (2013) *Sotsial'no-innovatsionnyi protsess: tvorchestvo i protivostoyanie kul'tur* [Socially-innovative process: creativity and opposition of cultures]. Ufa.
10. Trubetskoi N. (2007) *Nasledie Chingiskhana* [Heritage of Genghis Khan] Moscow: Eksmo Publ.